

Б.В. Базаров, Н. Ням-Осор

ИЗ ИСТОРИИ СИМВОЛИКИ И АТРИБУТИКИ МОНГОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Первые сведения о наличии символов государственности и государственной власти связаны с именем хуннского правителя шаньюя Модэ, у которого имелись собственные знамя, печать, зонт и трон, унаследованные затем его потомками как «сокровища государства». Печать шаньюя Модэ была выгравирована на яшме. Его трон был складным, что вызывало большой интерес у посещавших правителя китайских посланников. Позже китайский император Лин Ди изготовил для себя такой же.

Исторические хроники также свидетельствуют, что указанные атрибуты хуннской государственной символики прослеживаются в символике государств сяньби, жужаней и киданей.

Кодификация высших символов монгольской государственности, называемых «государственными сокровищами-святынями», восходит к временам Чингисхана. Свое дальнейшее развитие и окончательное юридическое закрепление они получили в период правления хана Хубилая в общеимперском кодексе «Белая история», разработанном Хубилаем (1260–1294) совместно с тибетскими буддийскими иерархами школы сакья и опубликованном в 1330 г. В нем впервые были охарактеризованы следующие девять высших государственных символов – атрибутов ханской власти (девять великих знаков; монг. *yisun yeke belge*): большое черное знамя – знак утращения других; громкозвучная красная раковина – знак всеобщего уважения; многосильный золотой колчан – знак самозащиты; сильнопламенная желтая сера – знак возведения многими; большой грозный алмазный меч – знак управления государством; крепкое золотое седло – знак похода; большой священный пояс – знак прочного существования; трон с высоким балдахином – знак степенного сидения; надежные урлуки и найджинары – знак единства¹.

Наиболее ранние сведения о символах царской власти встречаются в индийских буддийских канонических сочинениях, содержащих описания *чакравартинов* – правителей вселенной (*Ratnasila. ro rje nam par 'joms pa zhes bya ba'i [gzung] dkyil 'khor gyi lag len go rims ji lta ba zhes bya ba [Vajravidarana-namadharani mandala prakriya yathalra-manama]*; *'phags pa dam pa'i chos dran pa nye bar gzhag pa [Aryasaddharmanusmṛty-upasthana]*². Согласно буддийской традиции, чакравартини должны обладать « семью драгоценностями » (тибет. *rgyal srid gin chen sna bdun*; санскр. *saptaratna*), символизирующими высшую светскую власть: колесом, камнем-*чиндамани*, царицей, министром (сановником), слоном, лошадью, генералом. Что касается их значения, то в буддийских текстах оно трактуется по-разному, в зависимости от позиции их авторов, – одни придерживаются главным образом буддийской интерпретации символов, в то время как другие находят под влиянием культурного контекста древнеиндийской традиции. Вторая тенденция прослеживается, например, в порядке иерархии ценностей. Начинается она с царицы, за которой следуют драгоценность, колесо, слон, лошадь, министр, эконом³. В целом данный перечень людей, животных, предметов символизирует возможности и средства, с помощью которых светский правитель может достичь власти и удерживать ее. В текстах буддийской интерпретации проводится сравнение между внешней властью – светского (мирского) правителя и внутренней – властью духовного правителя. Во втором случае семь драгоценностей приобретают эзотерическое значение и символизируют такие свойства буддийского первосвященника, как безграничная мудрость, непобедимая власть над всеми внутренними и внешними препятствиями и неисчерпаемые духовные возможности.

Часто отмечается связь между Буддой и правителем вселенной, между наивысшими уровнями духовной и светской власти, которая впервые была изложена в пророчестве волхвов при рождении принца Сиддхартхи: «Он или станет великим правителем вселенной, т.е. чакравартином, или, если изберет скитания и жизнь монаха, достигнет просветления и станет Буддой»⁴.

Принятая в Тибете практика наделения иерархов религиозных школ светскими функциями (как, например, институт Далай-лам, иерархия правителей школы сакья и др.) может быть рассмотрена как внешнее проявление попытки объединения в одном лице светской и духовной власти. Такое соединение было осуществлено в 1911 г. в Монголии, где после получения автономии была установлена теократическая монархия во главе с Богдо-гэгэном. В связи с этим государственная символика была принята по буддийскому образцу. Она получила общее название «Семь сокровищ государства». В их число вошли колесо учения, чиндамани, ханша, сановник, слон, лошадь и полководец⁵. Личное имущество чакравартина состоит не только из перечисленных выше семи драгоценных символов высшей власти, но также и из семи второстепенных драгоценностей (тибет. nye ba'i rin chen bdun; монг. sapta uparatna), упоминаемых в буддийской литературе. К ним относят меч, надел земли, хороший дом, одежду, сад, сиденье, обувь⁶.

Согласно буддийской мифологии, сфера действия чакравартина распространяется на область функционирования людей и частично богов, но поскольку семь драгоценных символов царской власти обладают тайными магическими качествами, недоступными восприятию людей, то связь между чакравартином и людьми устанавливается с помощью семи дополнительных драгоценностей, поскольку они более доступны сфере человеческого восприятия. В них нашли отражение идеалы и представления человека древней Индии.

Девять ханских символов, установленных в XIII в., существовали до XVII столетия, а затем были приняты маньчжурскими императорами. Как явствует из анализа содержания упомянутых ранее двух типов символов государственности, все девять ханских символов являются синтезом автохтонных монгольских и древнеиндийских символов власти, отражающих духовные ценности кочевого государства, каковым и было Монгольское государство.

Из всех названных выше символов власти к древнейшей традиции центральноазиатских кочевников относятся лошадь, седло, пояс, меч, колчан, знамя, трон, печать и зонт. Приведем краткое описание этих символов по порядку.

Лошадь. С жертвоприношением коня связан один из древнейших культов Евразии, посвященный избранию верховного правителя. У кочевников культ коня имеет автохтонное происхождение. Лошадь всегда была главным героем легенд и преданий монголов-кочевников, живым свидетелем многочисленных исторических событий. Можно перечислить бесконечное множество прославивших своих хозяев коней, таких как конь-аргамак шаньюя Модэ, без усилий преодолевавший тысячи верст расстояний, конь-скакун великого правителя Сяньби Таншихуая, буланный конь Бодончара, бурый конь Гэсэр-хана, гнедой конь Джангара. В культе Чингисхана обряды почитания его боевого коня занимают одно из важных мест.

Лошадь играла большую роль как в добуддийской, так и в буддийской символике. Лошадь – одна из семи драгоценностей царей-чакравартинов (тибет. rta mchog rin po che; санскр. asvaratna); она символизирует мобильность и скорость чакравартина, а также его личного верховного коня.

Лошадь является традиционным монгольским символом государственности, упоминаемым в разных монгольских письменных обрядовых текстах и в текстах, связанных с культом Чингисхана, и в то же время буддийским символом власти правителя вселенной чакравартина, который в 1911 г. был включен в перечень семи сокровищ теократического государства Богдо-гэгэна.

Седло. Как известно, кочевникам принадлежит заслуга приручения лошади к верховой езде, а также изобретения седла и, главное, – стремени. Это было одним из

крупных достижений не только кочевой, но и общечеловеческой цивилизации. Готовясь к знаменитым походам, монголы-кочевники отдавали предпочтение в первую очередь седлу со стремянами. И сейчас монголы-кочевники, прежде чем сесть на коня, с трепетом смотрят на добротное седло, ставя его наравне с упомянутыми выше сокровищами государства.

Пояс. Среди археологических находок, обнаруженных в Монголии, видное место занимают пояс и его украшения. В качестве примера можно назвать пояс самого Джамухи, найденный при археологических раскопках в местечке Сонгино-Хайрхан (Центральная Монголия), и пояс времен существования Киданьского государства. Для монголов-кочевников пояс служил не только предметом прямого назначения. К нему прикрепляли дорожные принадлежности, конскую сбрую, колчаны, мечи и сабли. Впоследствии с утратой некоторых функций индивидуального пользования пояс не стал, однако, лишним. Он до сих пор почитаем как один из девяти ханских символов.

Колчан. Существует множество легенд, связанных с колчаном. Факты свидетельствуют о том, что он входил в число девяти ханских символов как символ самосохранения, самозащиты, о чем повествуется в упомянутой выше «Белой истории». «Могучий золотой колчан» Чингисхана всегда оставался предметом почитания, о чем свидетельствует его присутствие в числе священных реликвий, хранящихся в Золотом дворце в Ордосе.

Меч. Это символ защиты государем своих территорий и подданных. С распространением буддизма среди монголов меч стал символизировать буддийское знание, рассекающее (подобно мечу) мрак невежества. Кроме того, он символизировал защиту буддийской религии от еретиков. Тот факт, что меч используется сегодня как декоративный элемент при государственных церемониях, свидетельствует о том, что он когда-то являлся одним из самых почитаемых атрибутов ханской власти.

Знамя. Основу монгольского термина, обозначающего знамя, составляет слово «туг» – пучок волос. Знамена своих родов и племен древние кочевники делали из пучков конских волос, которые прикрепляли к верхнему концу копья. Ханское знамя шаньюя Модэ, первого правителя объединенного ханства кочевников-хунну, вероятно, не очень отличалось от черного знамени Чингисхана. В правление Модэ возник и флаг, изготовлявшийся сперва из шкуры жеребенка, на котором изображались волк, олень, сокол и другие тотемические символы того или иного рода и племени. Позже флаги стали изготовлять из ткани разных цветов, и они превратились во флаги военизированных подразделений сотен и туменов.

Ко времени образования единого Монгольского государства (1206 г.) уже были разработаны специальные указы и правила относительно знамен и флагов. С этих же времен появились знамена – белое *Цаган сулдэ*, черное – *Хар туг* и синее – *Хух туг*. На вершине флагштока белого знамени прикреплялись металлические изображения солнца, луны и пламени, символизирующие вечность. Черное знамя издревле было военным символом, на вершине его флагштока крепились изображения меча и копья. В культовом комплексе Чингисхана в Ордосе известны гимны, тексты и обряды, посвященные черному, пестрому и белому знаменам (*сулдэ*)⁷. С 1911 г. в традиционной государственной символике Монголии появился государственный флаг. В официальном документе, принятом по этому поводу, говорилось: «...Государства мира имеют свои собственные государственные флаги. Поскольку Монголия имеет свою автономию, то следует учредить собственный государственный флаг, заявляя о своем суверенитете». В последующие годы – 1924, 1940, 1945 и 1992 – этот флаг претерпевал существенные изменения. Флаг, как сокровище, – высший символ монгольской государственности.

Ханский трон занимает одно из важных мест в монгольской государственной символике. В исторической литературе неоднократно встречаются свидетельства о том, что существовали специальные ритуалы возведения нового хана на престол-трон. Монгольский ханский трон в китайских источниках зафиксирован под названием

«хуннский трон». Изображение хуннского трона, как пишет историк Д. Баяр⁸, можно видеть на каменных средневековых изваяниях, обнаруженных на территории нынешнего Сухэ-Баторского аймака. Если верить историку, монгольские ханы XIII в. унаследовали свой трон от хунну. Однако в XVII–XVIII вв. следы ханского трона потерялись и вместо него появились мягкие кресла с высокими подлокотниками. Модель подобного кресла можно увидеть на портрете Абатай-хана⁹. Модель хуннского трона до сих пор не восстановлена в полной мере.

Печать. Еще в древнейшие времена скотоводы-кочевники изобрели печати-тамги для того, чтобы отличать свой скот от чужого. Монгольские археологи полагают, что клейма и метки для скота, предшествуя печати, указывают на родовую и племенную принадлежность. На наш взгляд, клеймо послужило основой для появления печати – символа государственности. Источники указывают, что предки кочевников племен жун и ди, населявшие бассейн р. Хуанхэ 3500 лет назад, использовали бронзовые клейма.

Исследователи утверждают, что впервые печать использовал китайский император Цинь Шихуан. По данным монгольского историка Т. Мандира, он имел яшмовую печать, на которой были выгравированы восемь иероглифов. Затем печать Цинь Шихуана была унаследована основателем ханьской династии Лю Банем (210–182 гг. до н.э.) и использовалась более 400 лет. Между тем хуннский правитель Модэ был всего на несколько лет младше Цинь Шихуана и на несколько лет старше Лю Бана, а он также использовал яшмовую печать, как об этом пишет историк Г. Сухбаатар. Отсюда следует, что монголы и китайцы, живя бок о бок на протяжении тысячелетий, параллельно строили свою государственность. Хотя достоверно известно, что Цинь Шихуан имел яшмовую печать, нельзя исключить и того, что яшмовую печать могли изобрести при шаньюе Модэ или при его отце шаньюе Тумэне или даже еще раньше.

Как бы то ни было, в Хуннском государстве яшмовую печать использовали в качестве главного символа государственности. Фактом остается то, что Чингисхану преподнесли яшмовую печать как главный символ государственности. Известен и размер печати Чингисхана: отпечаток на хранящемся в Ватикане письме Гуяк-хана составляет 20,5 × 20,5 см. Размер печати Цинь Шихуана – 12,8 × 12,8 см. Собственную печать имели также предводители туменов и престолонаследники. Существуют сведения о том, что при бегстве из Китая последнего императора Юаньской державы Тогонтумура основатель китайской династии Мин Чжу Юан-жан пытался запечатать печать Чингисхана и, потерпев неудачу, изготовил подделку. Считают, что печать Чингисхана передавалась по наследству и в период правления хана Лигдэна (1604–1634), а во времена Маньчжурского государства исчезла при таинственных обстоятельствах. На печати Чингисхана были выгравированы слова: «Силой Вечно-го Синего Неба Указ хана Великой Монгольской империи. Подданный, повинуйся сему, слушайся!». Когда в 1911 г. была провозглашена автономия Монголии во главе с Богдо-гэгэном, в первую очередь была изготовлена нефритовая государственная печать со следующей надписью на трех разновидностях монгольской письменности – соембо, старомонгольской и квадратной: «Печать духовного и светского главы государства Богдо-хана». Таким образом, печать как символ власти сохраняла свое значение в разные периоды истории Монгольского государства.

В числе символов ханской власти в «Белой истории» упоминается и яшмовая (жадеитовая, нефритовая) печать. В Китае есть предание о том, что у первого императора Хуанди была печать из жадеита с надписью из восьми иероглифов, которая с давних пор передавалась, по традиции, и стала считаться символом оплота и внешним атрибутом правления китайской империей, символом преемственности императорской власти. Эта печать была передана матери-регентше хана Тэмура, внука Хубилая, с целью придать законность ему как наследнику престола, правопреемнику хана Хубилая. Как показывают более поздние монгольские исторические хроники, печать *хас-бао* в Монгольском государстве также была символом императорской

власти. Когда последний монгольский император Китая из династии Юань в 1368 г. бежал в Монголию, он взял печать с собой. В монгольских летописях встречается сюжет о чудесном происхождении печати из расколотого камня перед интронизацией Чингисхана. Так, в «Золотом сказании» («*Алтан тобчи*») Лубсана Данзана говорится следующее: «Еще до того как родился Тэмучин, хаган мудрых луусов вытолкнул [из камня] печать Хасбу»¹⁰. В анонимном «Алтан тобчи», переведенном Г. Гомбоевым, приводится другой вариант легенды, приписываемой самому Чингисхану, который на просьбу младших братьев оставить им вина ответил так: «"При рождении, по повелению Будды, очутилась в моей правой руке яшмовая печать из царства драконов; в настоящее же время я получил от могущественного Хормусты-тенгри яшмовую чашу, полную вина, подобного нектару. Мне кажется, что единственный и законный владетель его [вина] я. Если хотите пить, нате". И дал им. Приняв от него вино, братья стали его пить, но не могли проглотить, [почему] с поклоном возвратили его повелителю... Владыка... сказал: "...Я есмь владыка, назначенный небом"»¹¹. Есть мнение, что под драконом подразумевается Будда, одним из эпитетов которого является «Царь драконов» (тибет. *klu dbang gyal po*). Таким образом, в тексте «Алтан тобчи» утверждается, что печать была дана Чингисхану самим Буддой. Данный рассказ о чудесной печати, символизирующей легитимное правление, свидетельствует о процессах сакрализации Чингисхана в буддийской традиции¹².

Зонт. До сих пор существовало мнение, что зонт своим происхождением обязан китайцам. Однако история свидетельствует, что более 2200 лет назад зонт использовали хуннские ханы как важнейший атрибут государственной власти. Кроме хунну зонт почитали правители киданей, о чем упоминается в китайской летописи «История государства Дай Ляо». Зонт был унаследован от них более поздними монгольскими ханами. В период маньчжурского господства этот символ государственности, как и другие элементы материальной и духовной культуры монголов раннего и позднего средневековья, позаимствовало высшее буддийское духовенство.

Помимо описанных монгольских государственных символов приведем описания других символов, отражающих представления о государственной власти в историческом развитии.

Горн. «Громоподобный красный горн» был символом всеобщего повиновения. Древние кочевники изготавливали горн из козьего рога и использовали его как сигнальный инструмент. Предводители родов и племен с помощью горна собирали своих собратьев при облавной охоте, стихийном бедствии и нашествии со стороны соседей. К началу XX в. использование горна из козьего рога было уже забыто. Призывный клич символа древней монгольской государственности впоследствии был заменен уже современными сигнальными системами.

Круг. С изобретением колеса была решена, как утверждают, половина проблем технического прогресса. Круг возводился в культ у древних индийцев, как геометрическое и логическое понятие он проник во всю восточную философию, был принят и монголами. В Монголии с распространением буддизма традиционные представления слились с общей восточной философией, и круг у монголов был также возведен в культ. Впоследствии Богдо-хан ввел круг в число семи сокровищ ханской власти, и он стал ассоциироваться с колесом буддийского учения – *чакрой*.

Знак «чиндамани». Согласно религиозным преданиям, сокровище «чиндамани» было привезено из-за океана; оно обладает чудотворной силой и исполняет желания каждого. Знак «чиндамани» состоит из трех соединенных дисков. В буддийской трактовке три диска означают тело, язык и мысль. Мы же предполагаем, что три диска могут означать прошлое, настоящее и будущее.

Ханша. Хотя «ханша-сокровище» в «Белой истории» в числе основных атрибутов правителя не упоминается, можно высказать предположение, что знания о нем тибетские буддийские монахи (Сакья-пандита, Пагба-лама) почерпнули из индийских сочинений, переведенных на тибетский. Это сокровище – один из символов-атрибутов буддийского правителя-чакравартина и потому позднее было включено в разряд

атрибутов государственной власти. Данный факт свидетельствует о высокой роли, которую играли жены ханов, а именно Чингисхана, в истории монголов. Из «Сокровенного сказания» монголов следует, что Чингисхан внимательно слушал советы своей матери Оэлун-эх, своих жен Буртэ, Есуй и Хулан. Сайшиял, исследовав состав ближайшего окружения Чингисхана, констатирует, что у него был близкий круг советников, куда входили лица из золотого рода Чингисхана: Оэлун-эх, ханша Буртэ, Бэльтүдэй, Тэмүгэ и Отчигин, а также четыре высших сановника (*хулуги*) во главе с Борчи и Мухулаем и тринадцать военачальников (*хошучи* и *урлюки*) во главе с Джэлмэ и Хубилаем. Отсюда ясно, что Оэлун-эх и ханша Буртэ стояли на высшей ступени иерархии. Из истории известно, что у руля государственной власти в разное время находились ханши Дургун и Каймиш, известны также имена героических женщин Мандухай и Ану.

Урлюки и найджинары. Этот символ государственности, символ гармонии единства¹³, утверждённый в «Белой истории», является собственно монгольским. Позднее, при монархическом режиме Богдо-хана, их заменил «полководец» – один из символов буддийского правителя, означающий победу над всеми препятствиями. В «Сокровенном сказании» упоминаются имена четырех полководцев: Джэлмэ, Хубилая, Джэба и Субэдэя, сыгравших выдающуюся роль в создании единой Монгольской империи и отражении внешних агрессий. Впоследствии их подвиги повторили Даштумур, Цагантумур и Хухтумур – полководцы Юаньской империи, а также военачальники XVII в. Тогон-тайша и Эсэн-тайша.

Слон. Слон в буддийской символике олицетворял могущество и силу чакравартинов, как, впрочем, всех правителей на Востоке, соединенные с добротой, умом и самообладанием. Одновременно он символизирует безграничные возможности и могущество Будды¹⁴.

Известно, что в период правления хана Угэдэя при ханском дворце впервые стали содержать слонов. Так, в тогдашнем Кара-Коруме находились семь слонов, привезенных из Вьетнама. Императоры Юаньской династии также исходили из того, что каждый восточный великий правитель должен иметь стадо слонов. Последним императором, у которого они имелись на территории Монголии, был Тогонтэмур. В 1911 г. правительство Монголии всеми силами старалось заполучить слона для Богдо-хана, стремясь показать всему миру, в частности Китаю и России, что тот является престолонаследником чингисидов. А подданные монарха Богдо-хана должны были убедиться в том, что он как потомок ханского рода чакравартинов правомочен унаследовать престол от преемников Золотого рода Чингисхана и потому должен иметь белого слона, на котором ездил сам великий Махасамади¹⁵.

В данной статье кратко рассмотрены только основные символы монгольской государственности. На основе «Сокровенного сказания монголов» и сравнительного изучения исторической литературы выделен монгольский (центральноазиатский слой) символика, отражающий архаические и раннесредневековые представления о высшей власти и ее атрибутах. Монгольская атрибутика власти и государственности в достаточной полноте сохранялась в государственной символике вплоть до начала XX в. Более того, отдельные элементы ее, дополненные общеподданныйской государственной символикой, были заимствованы маньчжурами.

Примечания

¹ Сауан теуке («Белая история») – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. Сост. критического текста и пер. «Белой истории» П.Б. Балданжапова, исследование, сост. коммент., подготовка текста «Белой истории» к публикации, пер. и коммент. к «Шаштре хана-чакравартина» и «Шаштре Орунга» Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ, 2001. С. 76–77.

² Buddhist Symbols in Tibetan Culture. Boston, 1995. P. 124.

³ Ibid. P. 67.

⁴ Ibid. P. 66.

⁵ Лувсанданзан. Алтан товч. Улаанбаатар, 1990. С. 34.

⁶ Подробное их описание см.: Buddhist Symbols... P. 85.

⁷ Chiodo E. «The Book of the offerings to the Holy Cinggis Qayan». A Mongolian Ritual Text // Zentralasiatische Studien. Bd. 22. 1989 / 1991. P. 190–220; Pt II: Zentralasiatische Studien. Bd. 23 (1992 / 1993). 1993. P. 84–144; Eadem. History and legend: The Nine Paladins of Cinggis (Yisün Örlüg) according to the «Great Prayer» (Yeke öčig) // Ural Altaic J. Neue Folge. Bd. 13. Bonn, 1994. P. 175–225; Eadem. The Black Standard (qara süldе) of Cinggis Qayan in Baruun Xüree // Ural Altaic J. Neue Folge. Bd. 15. 1997 / 1998. P. 250–254; Narasun S. Cinggis qayan-u naiman čayan ordu bolun ordosčud. Kөkeqota, 2000; Sayinjiryal Š. Altan ordon-u tayily-a. Kөkeqota, 1983; Cinggis qayan-u «Altan bičig». / Ed. by S. Narasun, K. Načoy. Kөkeqota, 2000; Cinggis qayan-u naiman čayan ordu-yin emkidken nayirayulqu duyuylang emkidken nayirayulba. Kөkeqota, 1998.

⁸ Баяр Д. Дорнод Монголын хун чулуу // Худулмур. Улаанбаатар, 1988.

⁹ Цултэм Н. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М., 1986. Табл. 48.

¹⁰ Лубсан Дамзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. и коммент. Н.П. Шастиной. М., 1973. С. 100.

¹¹ Гомбоев Г. Алтан тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста «История Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами» // Тр. Восточного отд. Русского археолог. об-ва. Ч. 6. СПб., 1858. С. 139–140.

¹² Ванчикова Ц.П. «Čayan teüke» – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. Рукоп. дис. ... д.и.н. Улан-Удэ, 2001. С. 108.

¹³ Čayan teüke («Белая история»)... С. 77.

¹⁴ Buddhist Symbols... P. 76.

¹⁵ Нямбуу Х. Олноо оргогдсон Богд хаант Монгол улсын торийн ёслол. Улаанбаатар, 1993.

V.V. Bazarov, N. Niam-Osor. From the History of the Mongol State Symbolics

The main symbols of the Mongol State, such as the powerful golden quiver, the big diamond sword the high throne etc. are the subject of the author's research. On the basis of the «Secret Mongol Legend» analysis and comparative study of the historical literature two separate layers of the symbolic – autochthonous Mongolic and Central Asian, reflecting archaic and middle ages notions of the higher authority and its attributes are delineated. With the development of the state symbolic the Mongolic attributes of power and statehood were preserved intact almost till the beginning of the XXth c.

© ЭО, 2003 г., № 2

А.Б. Островский

ЧИСЛОВОЙ КОД В МИФОЛОГИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ КУЛЬТУР ТИХООКЕАНСКОГО СЕВЕРА

Использование чисел в качестве классификаторов – своеобразной ментальной формы для разбивки на классы и тем самым логического упорядочения наблюдаемых объектов и их отдельных признаков – характерно для многих бесписьменных культур. В этнологических исследованиях XX в. встречается немало сведений о роли числовых констант в мифологических представлениях и верованиях. Но до настоящего времени остается мало изученным функционирование чисел в рамках мифологических повествований, где они обретают статус особого кода и, возможно, некоего метаязыка.

Семиотическая нагрузка, приходящаяся на числа, функционирующие в текстах усиливается в тех случаях, когда в культуре сохраняется лингвистическая предпо-